

ФОРМИРОВАНИЕ СИБИРСКОЙ ПОЛИЦЕЙСКОЙ БЮРОКРАТИИ В XVIII в.

На основании дореволюционного законодательства комплексно рассматривается процесс формирования сибирской полицейской бюрократии. Государственное администрирование в XVIII в. как деятельность специальных органов исполнительной власти не было отделено от правоохранительной, полицейской деятельности, в регионе было прочное единство и даже слияние административных и полицейских органов. Автор приходит к выводу о том, что полномочия административно-полицейских органов в регионе имели свою специфику и были значительно более широкими, чем в центральных губерниях Российской империи.

Ключевые слова: История Сибири; власть; местное управление; реформа; администрация; губернатор; полиция; полномочия; выборы; национальная политика.

Возникновение местного управления в Сибири было связано с общими процессами социально-экономического и политического развития России, а также с колонизацией края. Освоение региона началось с Западной Сибири, в 1586 г. воеводы В. Сукин и И. Мясной основали Тюмень, в 1587 г. Д. Чулков заложил Тобольск, в 1593 г. возникли Пелым и Березов, на следующий год были построены Тара и Сургут, в 1598 г. – Нарым, а в 1604 г., в правление Бориса Годунова, – Томск. При Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче владения России распространялись уже до Тихого океана, были присоединены почти вся современная Сибирь и Дальний Восток. В начале XVIII в., при Петре I, в состав Российского государства вошли полуостров Камчатка и прилегающие к нему части материка. Во второй половине XIX в., в правление Александра II, были присоединены Приамурский край и остров Сахалин. Административное устройство и территориальное деление Сибири складывались по мере открытия и освоения русскими первопроходцами Сибири и Дальнего Востока начиная с XVII в. [1. С. 21].

Российское государство, включая в свой состав тот или иной сибирский регион, начинало с его властного освоения, интеграции в государственно-правовое поле страны, в дальнейшем используя окраинные территории как военно-экономические плацдармы для дальнейшего расширения. Расширение на восток Сибири не было ограничено военной экспансией и административно-территориальным закреплением присоединенных земель в Российское государство. Параллельно велось утверждение обычного права крестьян и казаков, игравших главную роль в колонизации, а также корпуса действующих нормативно-правовых актов на окраинах. В процессе формирования системы административного управления регионом переплетались внутривластный и внешнеполитический аспекты правительственного курса сибирской политики. Основной вектор внешнеполитического курса был направлен острее на реализацию, через оптимальную систему регионального управления, планов дальнейшего расширения российского влияния в крае. Внутривластный аспект деятельности коронного правительства был направлен на создание особой модели администрирования сибирской окраины, которая, учитывая особый статус региона, обеспечила бы его слияние с единым административным и правовым полем Российского государства.

Присоединение и интеграция сибирских территорий в XVI–XVII вв. в общероссийскую систему осуществлялись средствами сибирской административной модели, приспособленной к условиям удаленной от центра, пограничной местности, своеобразной по этноконфессиональному составу населения, с низким уровнем плотности его расселения и слабым развитием экономики. Преобладание славяноязычного населения над коренными жителями, отсутствие серьезного сопротивления при присоединении придало Сибирскому региону особые черты среди окраинных территорий Российского государства и предопределило появление особенностей еще на стадии формирования правовой основы сибирского регионального администрирования.

Специфической чертой сибирского администрирования с самого начала была также большая самостоятельность государственного аппарата, чем в центре страны. Она обуславливалась отдаленностью от центра и отсутствием в регионе дворянских корпораций, в связи с чем контролирующая, судебная и попечительские функции, выполнявшиеся в центре дворянством, в Сибири возлагались на государственных служащих.

С установлением институтов абсолютной монархии в империи в XVIII в. была создана, по сути, новая модель сибирского местного управления. Созданную Петром I новую ветвь государственной деятельности – полицейскую, последующее, главным образом екатерининское, законодательство возлагало на губернаторов. Согласно «Учреждениям для управления губерний» 1775 г. губернатор как руководитель всего управления губернией являлся начальником для всех полицейских органов, созданных для обеспечения подданным безопасности и благосостояния [2. С. 39]. Государственное администрирование как деятельность специальных органов исполнительной власти не было отделено от правоохранительной, полицейской деятельности, в регионе было прочное единство и даже слияние исполнительных и полицейских органов. Верховная власть, создавая полицейские органы, не имела четкого представления об их функциях, что, несомненно, отражалось на деятельности сибирского полицейского аппарата. В данном случае под полицией понималась вся совокупность местных государственных учреждений и органов, деятельность которых была направлена как на противодействие преступности в широком смысле этого слова и борьбу со

всем, что нарушало общественный порядок и посягало на личную и имущественную безопасность подданных, так и на саму организацию местного сибирского управления.

К концу XVIII в., после распространения на регион «Учреждений для управления губерний» 1775 г. и «Устава благочиния или полицейского» 1782 г. был создан специализированный и военизированный административно-полицейский аппарат, который стал на долгие годы опорой коронной власти. Это привело к ограничению круга субъектов, которые были наделены административно-полицейскими полномочиями. В результате государственно-правовых преобразований XVIII в. оформились разветвленные и специализированные административно-полицейские бюрократические институты, которые были основаны на разграничении управленческих полномочий, при единоличном решении возникающих проблем и их предварительном коллегиальном обсуждении, а также системе особых учреждений надзора и контроля за их деятельностью.

Возникновение полицейской бюрократии находилось в непосредственной связи со становлением в стране абсолютизма. Абсолютизм (полицейское государство) являлся способом реализации этицистских идей – попыткой организации государства, которое стояло бы над социально-классовыми группами того времени. В стремлении доминировать над всеми словесными группами абсолютизм не мог опираться ни на какую из них. Поэтому возникала потребность в создании особой категории людей, которые в известной мере стояли бы вне сословий и непосредственно занимались государственной службой. Оторванные от общества, эти люди, обязанные всем монарху, являлись послушным инструментом в его руках [3. С. 4]. Из них образовался сплоченный класс, сибирская полицейская бюрократия.

Принятие «Табели о рангах», создание новых административно-полицейских органов выдвинули на первый план вместо вопроса о происхождении того или иного человека, наделенного государственно-властными полномочиями, принцип личных заслуг, а также прохождения по служебной вертикали. Были изменены и принципы вознаграждения: вместо служилых окладов, которые прежде были главным образом поместными, была установлена постоянная заработная плата для лиц, состоявших на государственной службе. В результате высшее и среднее звено гражданских администраций оформилось в бюрократическую группу [4. С. 238]. Уже в начале XVIII в. вместо прежней, воеводской «государевой» службы были заложены основы государственной службы, характеризовавшейся большей публичностью. Начался процесс оформления класса сибирской полицейской бюрократии как круга привилегированных лиц, осуществлявших местное управление.

Сибирская полицейская бюрократия сразу же стала «всесословной» по социальному происхождению группой, которая была оторвана условиями полицейской службы от предпринимательских отношений и полностью зависела от государственного жалованья. В «Учреждениях для управления губерний» 1775 г. [5]

и «Уставе благочиния или полицейском» 1782 г. [6] отсутствовали требования к сословной принадлежности, возрасту, конфессиональной принадлежности, образовательному цензу и имущественному состоянию работников полиции. Служение монарху они обязывались осуществлять в соответствии с нормами права и жесткой организационной дисциплиной. «Устав благочиния или полицейский» 1782 г. представлял образ идеального сотрудника полиции, лишённого пороков и недостатков: он обязан был проявлять человеколюбие, добросовестное отношение к службе, стремиться к достижению общего добра, чинить справедливый суд, руководствоваться законом, покровительствовать невинному и скорбящему, воздерживаться от мзды, ибо она «ослепляет глаза и развращает ум и сердце, устам же налагает узду» [7. С. 334].

В Сибири, наряду с трудностями организации администрирования, в целом присущими империи, такими как обширность территорий, нехватка подготовленных, квалифицированных кадров администраторов, сложность в осуществлении контроля, имели место специфические проблемы, которые были связаны с местной сибирской спецификой. К таким проблемам относилась большая самостоятельность местной власти, чем в центре империи. Кроме того, отсутствие дворянства и дворянского самоуправления освобождало полицейских чиновников от контроля со стороны их корпоративной организации. Другой особенностью региона стало его окраинное положение и роль места каторги и ссылки. Первое известие о массовой ссылке в Сибирь относится еще к 1593 г., когда г. Пелым был заселен жителями Углича, сосланными за восстание после убийства царевича Дмитрия [8. С. 57]. В указе императрицы Анны Иоанновны говорилось: «Нам стало известно, что в Сибири служат воеводами выходцы из казаков и купцов, добившиеся офицерских чинов, не грамотными, а некоторые, без службы, были записаны из казаков в дворяне, и даже беглые и бывшие холопы были определены в воеводы. Они служат с целью обогащения. Мы постановили, чтобы немедленно в Сибирь отправить служить воеводами дворян» [9. С. 279]. Однако указ оказался невыполним. В крае даже было разрешено замещение вакансий на государственной службе ссылными, поскольку важнейшей проблемой системы управления регионом был недостаток квалифицированных кадров администраторов низшего звена.

К концу XVIII в. стало заметным устранение армии от выполнения административно-полицейских полномочий – произошла окончательная специализация армии и регулярной полиции. Однако характерной чертой периода возникновения сибирской администрации являлась ее военизированная организация. Первоначально на административно-полицейскую службу переводились казаки или армейские офицеры. Сибирская полицейская бюрократия была социально неоднородна: высшая происходила из дворянства, средняя – из беспоместных обедневших или сибирских дворян и казаков, канцеляристы – из представителей податных сословий.

Низшие полицейские чины пополнялись унтер-офицерами и солдатами старшего возраста, выпол-

нявшими рекрутскую повинность, но по состоянию здоровья ставшими непригодными к строевой службе. На помощь малочисленной полиции нередко откомандировывались казахи и воинские подразделения. На уровне волостей вообще не существовало штатных полицейских должностей. В огромных по своей территории сибирских уездах было только несколько аттестованных сотрудников полиции, в частности ее начальники – земские исправники и земские заседатели [5].

Коронное правительство стремилось не просто заполнить вакансии в административно-полицейских органах, оно также желало выдержать определенные критерии при подборе сотрудников. Однако недостаток подготовленных работников, нехватка материальных средств, рутинное состояние системы образования в крае, наличие сословных ограничений заставляли верховную власть ограничивать кадровую политику заполнением вакансий, мирясь с низким качеством сибирской полицейской бюрократии. Взятка в XVIII в. в глазах многих полицейских не была предосудительным делом. Оправдывалось это тем, что государство отпуская полицейским мизерное содержание и как бы узаконивало этим коррупцию. Для рядового полицейского взятка являлась необходимым средством для существования. Уличенный во взяточничестве полицейский находил среди своих сослуживцев не осуждение, а даже сочувствие как «жертва». Как незаслуженное несчастье воспринималось им наказание.

Профессиональная подготовка сибирских полицейских строилась почти исключительно на личном опыте работы и его передаче по принципу: научился сам – научи другого, а также на перемещении сотрудников из одной должности в другую, с одних территорий на другие. Сибирские администраторы имели слабую теоретическую подготовку, а часто у них даже не было какого-нибудь систематического образования. Это понижало профессиональный уровень служащих сибирских административно-полицейских органов. Однако система перемещений по службе давала возможность иметь на ключевых должностях полицмейстеров, городничих и земских исправников людей, неоднократно испытывавших на практике все элементы и методы административно-полицейской деятельности.

Огромная территория, неразвитость коммуникаций, слабая интенсивность социально-экономических и политических связей порождали бесконтрольную автономность в действиях местных полицейских органов, недостаточно обеспеченных соответствующей правовой базой. Отдаленность и огромные размеры Сибири порождали неслыханный произвол со стороны местной полицейской бюрократии. История местного сибирского управления XVIII в. – это почти непрерывная череда должностных злоупотреблений и коррупции.

В известной степени коррупцию можно рассматривать применительно к XVIII в. как пережиток системы кормлений, официально существовавшей в России до середины XVI в. Большинство сибирских полицейских продолжали рассматривать службу не только как государственную, но и как главный источник пополнения личного бюджета, превращая свою должность в доходное место. Такое положение на окраине было более

заметным и живучим, чем в центральных губерниях империи, где профессиональный уровень сотрудников и их материальное обеспечение отличались от Сибири в лучшую сторону. Усугублялось положение в регионе также отсутствием должного контроля и противовеса в местном управлении со стороны дворянских землячеств.

М.П. Гагарин, первый губернатор Сибири, был повешен за «неслыханное воровство» в 1721 г. Он утаил хлеб, купленный на Вятке для продажи за границей, велел брать казенные деньги и товары на свои расходы, брал взятки за отдачу на откуп винной и пивной продажи, угрожал купцу Гусятникову, чтобы тот прислал ему китайские подарки, что и было исполнено. Взял у купца Карамышева казенные товары и заплатил за них казенными же деньгами, взял у князя Долгорукова для китайской торговли товары без оценки и, не дождавшись купца с караваном, велел выдать деньги вдвое. Удержал три алмазных перстня и алмаз в гнезде, купленный на деньги царицы Екатерины Алексеевны, взял себе товары из караванов купца Худякова и, приняв у купца книги этих караванов, сжег [10. С. 57].

В 1717 г. была учреждена под руководством генерал-майора И.Д. Дмитриева-Мамонова комиссия для проведения следственно-розыскных действий по поводу злоупотреблений, совершенных сибирским губернатором М.П. Гагариным. Член комиссии лейб-гвардии капрал М. Пуццин, проводя оперативно-розыскные и следственные мероприятия, установил, что право повышать государственных служащих в должностях и званиях сибирская администрация использовала для личной наживы. При этом действовало неписаное правило, по которому соискатель при приеме на службу или повышении в должности был обязан дать взятку в размере годового денежного оклада начальнику, оформлявшему ему продвижение по службе [11. С. 137].

Иркутскому вице-губернатору А. Желобову, который «злостными вымыслами, из великих себе взяток составил огромное состояние», в 1730 г. отрубили голову. Желобов «забирал тунгусских зайсанов и шуленг в Нерчинск, выданные им нерчинской канцелярией императорские указы отбирал и взяв с них взятки, давал им указы от себя <...> привезенных в Иркутск без поличного двух человек, не исследовав, Жолобов безвинно жег огнем и один от этого умер» [10. С. 58].

В своей деятельности сибирские полицейские чиновники достаточно часто прибегали к настоящему произволу. В правление Елизаветы Петровны, в 1758–1760 гг., иркутские купцы встали на пути коммерческих интересов (обогащения винным откупом) генерал-прокурора Сената Глебова. В Иркутск был прислан следователь П. Крылов, который велел в магистрате все, что касалось питейных сборов, издать, опечатать, а членов магистрата арестовать. Он умышленно сочинил бургомистру Бречалову и ратману Слезову повинные и по этим повинным бил более семидесяти купцов палками и плетьюми, без допросов подвешивал на дыбе. П. Крылов посадил под арест и заковал в цепи 74 купца, опечатал их лавки и дома и возбудил дела еще против 100 купцов. В ходе прово-

димого расследования от пыток на дыбе один купец умер. Все закончилось тем, что иркутские купцы вручили Крылову огромную взятку в 155 тыс. руб. Самоуправство Крылова вылилось в сечение плетью поручика Юсупова и его жены за «партикулярную свою обиду», а также в арест иркутского вице-губернатора Вольфа и присвоение себе его должности. Сенат постановил наградить Крылова деньгами и впредь обнадежил награждением. Ситуация изменилась только с восшествием на престол Екатерины II, которая уволила Глебова. Против Крылова было возбуждено уголовное дело, но не столько за погром в Иркутске, а прежде всего за то, что прикрепил к государственному гербу дощечку со своим именем. Крылов был высечен в месте своих злодеяний – Иркутске, и был сослан на пожизненную каторгу [10. С. 65]. Деяния Крылова Екатерина II оценила следующими словами: «Столь страшные последствия имеют те дела, которые страстью производятся, и до каких дерзостей доводят, когда вместо законов страсть ими руководствует, чего нигде так не видно, как из этого дела» [11. С. 4].

Однако всех местных сатрапов и самодуров превзошел крестник императрицы Екатерины II, командир Нерчинских горных заводов В.В. Нарышкин. Он перепутал государственный бюджет с собственным карманом, создал целый гусарский полк, укомплектованный в основном из каторжан-уголовников. Повздорив с иркутским губернатором, Нарышкин «объявил ему войну» и решил штурмовать Иркутск. Войско Нарышкина двину-

лось на город с барабанным боем, колокольным звоном, по пути грабя купеческие обозы и обывателей. Поход закончился арестом Нарышкина, которого отправили в столицу. Императрица Екатерина II в наказание лишь пожурив крестника, назвав его «шалуном» [12. С. 34].

Ситуация усугублялась несоответствием высокого социального статуса, сообщаемого должностью на государственной службе, и относительно невысоким материальным содержанием сибирских администраторов [13. С. 101]. Это создавало и в последующие столетия дополнительные стимулы для существования коррупционной системы. Для подтверждения своего довольно высокого общественного положения государственные служащие в XVIII в. искали дополнительные источники доходов, занимаясь не только предпринимательством, но взяточничеством и казнокрадством. Верховная власть, не имея возможностей создать достойный прожиточный уровень местным администраторам, была вынуждена смотреть сквозь пальцы на коррупцию, процветавшую в Сибири, преследуя лишь единичные и вопиющие случаи [14. С. 82]. Несмотря на то, что значительная часть полицейских добросовестно выполняла свои служебные обязанности, правонарушения, совершенные ими, накладывали крайне негативный отпечаток на отношение к органам полиции у большинства населения края. Уже в XVIII в. слова «сыщик» и «полицай» приобрели ругательное, негативное значение в лексиконе и сознании у большого числа сибиряков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иркутский край. Четыре века. История Иркутской губернии (области). XVII–XXI вв. / под ред. Л.М. Дамешек. Иркутск : Востсибкнига, 2012. 800 с.
2. Лохвицкий А. Губерния. Её земские и правительственные учреждения. СПб., 1864. Ч. 1. 221 с.
3. Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. 136 с.
4. Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 205–210.
5. Учреждения для управления губерний (№ 14392) // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 20.
6. Устав благочиния или полицейский (№ 15379) // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 21.
7. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 5. 512 с.
8. Памятная книжка Иркутской губернии на 1901 год. Иркутск, 1901. 73 с.
9. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск : Вен-Мер, 1995. 675 с.
10. Прутченко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. Т. 1–2.
11. История Сибири. М. ; Л.: Наука, 1968. Т. 2–3.
12. Альтшулер М.И. Земство в Сибири. Томск, 1916. 449 с.
13. Гурьев Н.А. Сибирские чиновники былого времени // Дорожник по Сибири и Азиатской России. Томск, 1901. Кн. 3. С. 31–38.
14. Коновалов И.А. Управление и полиция Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. М. : Инфра-М, 302 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 марта 2017 г.

FORMATION OF THE SIBERIAN POLICE BUREAUCRACY IN THE 18TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 112–116.

DOI: 10.17223/15617793/428/15

Igor A. Kononov, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: konov77@mail.ru

Keywords: history of Siberia; power; self-government; reform; administration; governor; police; authorities; elections; national policy.

Based on pre-revolutionary legislation, the article comprehensively considers the formation of the Siberian police bureaucracy. The growing interest in the history of local government is connected not only with the aspiration of historians to look more deeply into the past but also with practical needs. A study of the forgotten traditions of public administration allows taking greater account of historical experience that has been accumulated over the centuries. We also need to take a look at the already known facts and events in the light of today's realities. This approach may help overcome the old myths and misconceptions and also prevent the birth of new ones. The theoretical and methodological basis of the research was such principles of historical knowledge as objectivity, historicism, determinism, alternativeness and a social approach which assume an unbiased approach to the analysis of the researched problems, as well as a critical attitude to the sources. State administration in the 18th century was not separated from police activities,

administrative and police authorities in the region were de facto merged. A specific feature of the Siberian administration was the greater autonomy of the political machinery than in the country's center. It was conditioned by the remoteness from the center and by the absence of noble corporations in the region, so the controlling and judicial functions which in the center were performed by the nobility were laid on civil servants in Siberia. The author concludes that the powers of the administrative and police authorities in the region had their own features and were much broader than in the central provinces of the Russian Empire. Moreover, the absence of the nobility and noble self-government exempted police officers from control by the noble corporate organization. Another feature of the region was its peripheral status and role of a *katorga* [penal labor] area. A characteristic feature of the Siberian administration was its militarized organization. Siberian administrators had weak theoretical training, and often they did not even have any systematic education. This lowered the professional level of the employees of the Siberian administrative police bodies. However, the system of transfers in the service made it possible to have people in key posts who had repeatedly experienced all the elements and methods of administrative and police activities. The vast territory, the underdeveloped communications, the weak intensity of socio-economic and political ties generated uncontrolled autonomy in the actions of the local police bodies that were not adequately provided with an appropriate legal basis. The remoteness and huge size of Siberia generated unprecedented arbitrariness from the local police bureaucracy. The history of the Siberian local government in the 18th century is an almost continuous series of service abuses.

REFERENCES

1. Dameshek, L.M. (ed.) (2012) *Irkutskiy kray. Chetyre veka. Istoriya Irkutskoy gubernii (oblasti). XVII–XXI vv.* [Irkutsk region. Four centuries. History of Irkutsk Province (Oblast). 17th–21st centuries]. Irkutsk: Vostsibkniga.
2. Lokhvitskiy, A. (1864) *Guberniya. Ee zemskie i pravitel'stvennye uchrezhdeniya* [Province. Its zemstvo and government agencies]. Pt. 1. St. Petersburg: tip. I. Bochkareva.
3. Gessen, V.M. (1904) *Voprosy mestnogo upravleniya* [Issues of local government]. St. Petersburg: Tip. i lit. A. E. Landau.
4. Demidova, N.F. (1964) Byurokratizatsiya gosudarstvennogo apparata absolyutizma v XVII–XVIII vv. [Bureaucratization of the state apparatus of absolutism in the 17th–18th centuries]. In: Druzhinin, N.M. et al. (eds) *Absolyutizm v Rossii (XVII–XVIII vv.)* [Absolutism in Russia (17th–18th centuries)]. Moscow: Nauka.
5. Russian Empire. (1830) *Uchrezhdeniya dlya upravleniya guberniy (14392)* [Institutions for the administration of provinces (No. 14392)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 20. St. Petersburg: II Otdelenie Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
6. Russian Empire. (1830) *Ustav blagochiniya ili politseyskiy (15379)* [Charter of the City Police Department (15379)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 21. St. Petersburg: II Otdelenie Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
7. Chistyakova, O.I. (ed.) (1984) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t.* [Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 vols]. Vol. 5. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
8. Gubernskaya tipografiya. (1901) *Pamyatnaya knizhka Irkutskoy gubernii na 1901 god* [Memorable book of Irkutsk Province for 1901]. Irkutsk: gubernskaya tipografiya.
9. Slovtsov, P.A. (1995) *Istoricheskoe obozrenie Sibiri* [Historical overview of Siberia]. Novosibirsk: Ven-Mer.
10. Prutchenko, S.M. (1899) *Sibirskie okrainy. Oblastnye ustanovleniya, svyazannye s Sibirskim uchrezhdeniem 1822 g., v stroe upravleniya russkogo gosudarstva. Istoriko-yuridicheskie ocherki* [The Siberian borderlands. Regional regulations associated with the Siberian institution in 1822, in the management of the Russian state. Historical and legal essays]. Vols 1–2. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina.
11. Okladnikov, A.P. & Shunkov, V.I. (eds) (1968) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vols 2–3. Moscow; Leningrad: Nauka.
12. Al'tshuler, M.I. (1916) *Zemstvo v Sibiri* [Zemstvo in Siberia]. Tomsk: Tipo-Litografiya Sibirsk. T-va Pechatn. Dela.
13. Gur'ev, N.A. (1901) *Sibirskie chinovniki bylogo vremeni* [Siberian officials of the past]. In: *Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoy Rossii* [Road guide on Siberia and Asian Russia]. Book 3. Tomsk. pp. 31–38.
14. Kononov, I.A. (2014) *Upravlenie i politsiya Sibiri v dorevolyutsionnyy period: stanovlenie i razvitie* [Management and the police of Siberia in the pre-revolutionary period: formation and development]. Moscow: Infra-M.

Received: 18 March 2017